
Жозефина
Лорес
Тайна
старого
замка

Жозефина Лорес

Тайна старого замка

«Автор»
2026

Лорес Ж.

Тайна старого замка / Ж. Лорес — «Автор», 2026

Барон Райэн Эллингтон возвращается в родовой замок «Каменюку» — обветшалый, стоящий на разломе миров. В замке уже есть жильцы — призраки. Сварливая баронесса, занудный дядя, помешанный на алфавитном порядке, и кот. Бесплотные и бесполезные, как думает мужчина. Но когда бывший опекун решает прибрать замок к рукам, Райэну приходится признать: его мертвые родственники — единственные, на кого можно положиться.

© Лорес Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Возвращение домой 8
Столкновение с реальностью 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Жозефина Лорес
Тайна старого замка

Пролог

На скалистом берегу, возвышающимся над водой небольшого лесного озера, приткнулся невысокий каменный замок. Он так плотно сросся с камнем, на котором стоял, что его и прозвали – «Каменюка». Сложенный из темных валунов, с годами он еще больше потемнел, оброс у подножия мхом и выглядел неопрятно, хотя и очень живописно. Вверх от воды ко второму выходу боковой башни вела крутая, вырубленная в скале лесенка. Подниматься или спускаться по ней мог только один человек за раз – двое уже не смогли бы разминуться. Стертые множеством ног ступени все еще оставались надежными, и при желании по ним можно было незаметно пройти к замку.

Вблизи строения выглядели неопрятными. Пара трещин в одной стене, вывалившийся из кладки камень – в другой. Рассохшиеся оконные рамы из темного дерева требовали ремонта, покраски, а кое-где и замены нескольких стекол. Внутри главного здания постоянно гуляли сквозняки, невольно создавая таинственную и пугающую атмосферу замка с привидениями. Кто знает, случайно ли колыхнулась та портьера, или ее задел призрак дядюшки Алфи? И что за странные шорохи слышны наверху под самой крышей? Это ветер шуршит прошлогодним листом, гоняя его по полу, или призрачная первая баронесса Фэйт вышла прогуляться по коридорам? Тот слабый звон колокольчика и еле различимая брань – не старая ли грымза Агата фон Фэйт призывает челядь?

Немногочисленные слуги постоянно оглядывались, отрывисто крестились и старались без надобности не подниматься на верхние этажи. По этой причине хозяйские покои на втором этаже и гостевые комнаты на третьем делались все более пыльными и сырыми. Замок постепенно ветшал, а его молодой хозяин так давно в нем не появлялся, что и не знал, во что превращается его родной дом.

А между тем дом был далеко не пуст. Его населяли те, кому смерть не показалась достаточной причиной, чтобы покинуть насиженные, хоть теперь и очень прохладные и сырые места.

Дядюшка Алфи, если быть точным, Альфред Эллингтон, младший брат прадеда нынешнего хозяина, умер от несварения после чересчур обильного ужина в 1721 году и с тех пор считал, что имеет полное право критиковать повара, его рецепты и вообще всех работников кухни. Его призрак, полупрозрачный мужчина в выцветшем камзоле, обожал библиотеку. Там он проводил время, «нюхая» старые фолианты – единственное удовольствие, доступное бесплотной сущности. «Аромат пергамента, милейший, – обращался он к пустому креслу, – напоминает о временах, когда книги были толще, а вино – выдержаннее. Как и я, впрочем. Я теперь не старею, а просто медленно выцветаю, как бумажные обои». Его черный юмор был столь же сух, как и он сам.

На третьем этаже, в бывших апартаментах баронессы, обитала сама Агата фон Фэйт, урожденная Эллингтон. Она умерла от тоски, возмущения и всеобщей глупости, как гласила ее собственная версия, в 1765-м и не собиралась мириться с забвением. Ее прозрачная, но от этого не менее внушительная фигура, облаченная в кринолин, с грохотом, который слышали лишь избранные, расхаживала по коридорам. Браня на забытом диалекте нынешних обитателей, сквозняки, политику и особенно – молодежь, которая даже после смерти, по ее мнению, не имела «ни стыда, ни совести». Ее излюбленным развлечением было дребезжащим шепотом критиковать слуг: «Пыль! Везде пыль! При жизни я за такое горничных в подвал сажала! А теперь и мне сесть некуда – сквозь любое сиденье проваливаюсь!». Слабым утешением ей

служил серебряный колокольчик, чей резкий звон она использовала, чтобы «созывать» несуществующую челядь. Она терпеть не могла Алфи за его легкомыслие, а он считал ее «старой ворчливой тушей, которой даже смерть не смогла заткнуть рот».

Были и другие. Призрак кота Корвуса, умершего от старости и теперь с блаженным мурлыканьем гонявшегося за лучами лунного света. Тень старого солдата-наемника, вечно стоявшего на посту у потаенной двери в подвал, которую никто уже не открывал. И несколько менее оформленных сущностей – просто ощущение чьего-то присутствия, вздох за спиной или внезапный холодок.

Слуги знали о них не понаслышке. Повар Бруно, угрюмый детина, клялся, что однажды ночью на кухне сам собой нарезался на идеальные колечки целый мешок лука. Горничная Лиза, девушка пугливая, раз десять на дню крестилась, заслышав знакомый скрип половиц наверху. А старый дворецкий Гораций, чье пристрастие к вину отчасти объяснялось желанием заглушить сверхъестественные впечатления, вел долгие беседы с пустотой в буфетной, утверждая, что обсуждает с дядюшкой Алфи погоду и цены на зерно. «Он хоть и призрак, а суждения об урожае имеет весьма трезвые. Жаль только, вино на меня одного действует», – бормотал Гораций.

Замок жил своей двойной жизнью: днем – полузаброшенное, покрывающееся плесенью поместье, ночью – пристанище для скучающих, ворчливых и вечно недовольных теней. У этого была причина, лежащая в сфере магии, недоступной большинству людей. Сама скала, на которой стоял «Каменюка», таила в себе кое-что. Старинные манускрипты, пылившиеся в библиотеке, намекали на «разлом», «тонкое место», «врата». Алхимик Вальтер Эллингтон – основатель рода – знал об этом и даже пытался как-то упорядочить, «запечатать» эту аномалию. Именно этим объяснялось такое скопление призраков. Они были не случайно задержавшимися в этом мире духами, а скорее… стражниками, якорями, мешающие тонкой ткани реальности в этом месте окончательно расползтись по швам. Но и они уже не справлялись.

В последнее время в замке стали слышны не только привычные постукивания и брань. Из глубин подвала, куда даже призраки заглядывали неохотно, временами доносился низкий, нарастающий гул, похожий на отдаленный стон, словно сама скала жаловалась на жизнь. Предметы в комнатах начинали вибрировать. Пыль на столах складывалась в странные, похожие на руны узоры. А однажды утром в большом зале обнаружили, что все портреты предков висят вверх ногами. Баронесса Агата была возмущена до глубины своей бесплотной души: «Это верх неприличия! Даже посмертно!».

– - * – -

Молодой барон Райэн Эллингтон, наследник и хозяин всего этого «великолепия», вот-вот должен был прибыть в замок после долгих лет учебы в столице. Он помнил замок смутно, по детским визитам – мрачное, но романтичное место. Он верил в логику, счета и рациональное управление имением. Призраки, разломы, гулы из-под земли и говорящие портреты в его картину мира не вписывались. Он ехал наводить порядок в ветхом родовом гнезде, даже не подозревая, что порядок здесь поддерживался хрупким и совершенно нерациональным равновесием между мирами. И что это равновесие начало катастрофически нарушаться.

А накануне его приезда в замок пришло письмо. Узкий белый конверт с печатью графа Эванса, старого друга семьи и бывшего опекуна Райэна. В вежливых, почти отеческих выражениях граф выражал озабоченность плачевным состоянием поместья и, движимый исключительно заботой о молодом воспитаннике, предлагал избавить его от обузы – выкупить замок

и прилегающие земли за сумму, которая, по странному стечению обстоятельств, была смехотворно мала.

«*Это старая, ветхая и, смею утверждать, поглощающая средства постройка, дорогой Райэн. Не стоит цепляться за прошлое, которое тянет на дно*», – писал граф.

Письмо это, забытое на серебряном подносе в гостиной, первым прочел не хозяин дома. Прочел его дядюшка Алфи, проплыв сквозь закрытую дверь из коридора. Его прозрачное лицо, обычно выражавшее лишь скуку и легкое презрение, на миг исказилось чем-то вроде беспокойства. Он перелетел к окну, за которым темнело осеннее озеро.

– Неудобная, говоришь? Поглощающая деньги? – пробормотал он в пустоту.

– Ах, Эванс, Эванс… Уж кто бы говорил. Ты всегда знал цену этому месту. И цену эту, видимо, помнишь до сих пор. Жаль, что молодой хозяин не знает ни той, ни другой.

И где-то в самом низу, в каменных глубинах под фундаментом, в ответ на эти слова, слабо, но внятно, дрогнула и загудела скала. Будто проснулось что-то старое, голодное и давно забытое. Баронесса Агата наверху внезапно смолкла на середине тирады. Даже кот Корвус перестал мурлыкать и насторожил прозрачные, сотканные из тумана уши.

Тишина, наступившая в замке, была страшнее любого шороха. Она длилась ровно до того момента, как со стороны подъездной дороги не донесся отдаленный скрип колес кареты. И дом, и живущие в нем затаили дыхание, готовясь встретить своего хозяина.

Возвращение домой

Карета графа Эванса, любезно предоставленная опекуном «на первое время», скрипела и подпрыгивала на ухабах лесной дороги, будто пытаясь вытряхнуть из себя пассажира вместе со всеми чемоданами. Барон Райэн Эллингтон, крепко державшийся за поручень, смотрел в окно на мелькавшие сосны и уже сожалел о своем решении. Не то чтобы он скучал по душной столице, но мысль о том, что его ждет родовое имение – неопрятный замок на скале – вызывала скорее тягостное чувство долга, чем радость возвращения.

Он помнил «Каменюку» обрывочно: огромные темные стены, от которых веяло сыростью, бесконечные коридоры, где легко было заблудиться, и тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в трубах. Тогда, мальчишкой, он видел в этом романтику. Теперь, двадцатитрехлетний выпускник «Королевской Академии», он мыслил категориями смет, ремонта и рационального землепользования. «Замок – это актив», – повторял он про себя. «Пусть и проблемный. Нужно оценить ущерб, составить план восстановления, возможно, привлечь заёмный капитал». Мысль о призраках, которыми пугала его старая нянька, вызывала лишь снисходительную улыбку. Привидения не вписывались в бухгалтерские книги.

Когда карета наконец выехала на поляну и перед ним открылся вид на озеро и замок, Райэн невольно ахнул. Не от восторга, а от изумления. «Каменюка» выглядел еще более обшарпанным и унылым, чем в его памяти. Темные валуны стен, казалось, вросли в скалу окончательно и бесповоротно, а мох и лишайники покрыли их густым, неухоженным ковром. Окна, те самые, что он помнил, глядели пустыми темными глазницами, в некоторых зияли дыры вместо стекол. Крутая лестница, ведущая от воды к одному из входов, казалась опасной даже если просто смотреть на нее. «Актив, – сухо напомнил он себе, чувствуя, как энтузиазм тает, как утренний туман над озером. – Очень проблемный актив».

Его встретили на крохотном мощеном пятачке перед воротами. Встретили без особой торжественности, что было неудивительно.

Первым шагнул вперед старик в потертом, но когда-то дорогом ливрейном сюртуке. О него пахло не столько нафталином, сколько дешевым бренди. Это был дворецкий Гораций. Его лицо, испещренное сетью морщин и красных прожилок, напоминало старую карту неизвестных земель, а глаза были мутными и слегка расфокусированными.

– Господин барон, позвольте приветствовать вас в родовом замке, – произнес он с церемонным поклоном, который едва не закончился падением.

Райэн инстинктивно протянул руку, но старик уже выпрямился, лишь слегка пошатнувшись.

– Дворецкий Гораций. К вашим услугам. Виноват за беспорядок… и за отсутствие парадного приема. Персики, что должны были прибыть из оранжереи графа… с ними произошел, хм, инцидент в пути.

Молодой барон посмотрел удивленно, но ничего не сказал. «Причем тут персики?» – только и успел подумать он.

За дворецким робко жались две фигуры. Молодая девушка, лет восемнадцати, с большими испуганными глазами и руками, красными от работы – служанка Лиза. И угрюмый мужчина в заляпанном жиром фартуке, с руками, похожими на окорока, и взглядом полном всей скорби мира, – повар Бруно. Он лишь кивнул, не утруждая себя словами.

– Очень приятно, – сказал Райэн, стараясь звучать дружелюбно.

– Спасибо, что держите… форт.

– О, форт-то держится, милорд, – парировал Гораций, таинственно понизив голос.

– Вопрос в том, кто или что его еще не отпустили.

Райэн предпочел проигнорировать это замечание. Слуги расступились, и он вошел внутрь здания. Его тут же обдало знакомым холодным, сырым воздухом. «Да… Вот оно… величие рода», – подумал барон. Отчетливый запах плесени заставил его поморщится. «Как в склепе», – догнала его следующая мысль. Прихожая была огромной и почти пустой. Где-то высоко под потолком гулял сквозняк, заставляя колебаться огромную паутину в углу. С лестницы, ведущей наверх, донесся слабый скрип, будто кто-то осторожно наступил на давно не крашеную доску.

– Это… от ветра такой сквозняк? – не удержался Райэн.

– Ветер, милорд, конечно ветер, – быстро сказала Лиза, резко перекрестившись.

– Он у нас тут… очень изобретательный. То там скрипнет, то тут зашумит. А то и портьеру дернет, будто даже с шутками.

– Шутки у него мрачноватые, – пробурчал Бруно, поворачиваясь к кухне.

– Обед через час. Если, конечно, плита сегодня не взбунтуется.

Так началось знакомство Райэна с реальностью «Каменюки».

Его проводили в хозяйские покои на втором этаже, когда-то роскошные апартаменты предков, ныне представлявшие собой печальное зрелище. Облупившаяся лепнина на потолке, потемневшие от сырости гобелены на стенах, массивная кровать под балдахином, с которого свисали поеденные кем-то бархатные занавеси. Зато из окна открывался потрясающий вид на озеро, и это было единственным несомненным плюсом.

Райэн остановился перед высоким зеркалом в резной деревянной раме, висевшим напротив кровати. В нем отразился высокий, темноволосый молодой мужчина в слегка поношенном, но добротном кожаном сюртуке и белой сорочке. Короткая стрижка «по последней столичной моде», подчеркивала резкие черты лица и тот самый волевой подбородок, который он унаследовал от длинной череды упрямых предков. Он смотрел на свое отражение и видел растерянность и недоумение в выражении лица и глазах. Не такого ожидал он от своего главного наследства…

Мужчина дождался, когда его оставили одного, опустился в кресло с выцветшей обивкой и обхватил руками голову. Актив оказался уж слишком… пассивом.

Столкновение с реальностью

Райэн решил действовать немедленно. На следующий же день он, вооружившись блокнотом и карандашом, начал обход замка, составляя список необходимых работ. И почти сразу столкнулся с тем, что слуги вполголоса называли «шалостями».

Он оставил на столе в библиотеке кусочек мела, чтобы отметить треснувшую балку. Вернувшись через полчаса, он его не обнаружил. Зато на месте мела стояла аккуратная стопка книг, все с названиями на букву «М»: «Материальный мир», «Молчаливые мученики», «Мифы». Он прочитал названия и выбрал «мучеников». Уж больно название перекликалось с его настроением. Оказалось, что это роман-драма о несчастных влюбленных из двух родов, что враждовали друг с другом. Райэн скривился и захлопнул книгу. Еще раз огляделся в поисках мела, пожал плечами, списал на рассеянность и пошел искать его в другую комнату. Он нашелся в вазе для цветов на камине в кабинете, куда он точно не заходил раньше.

Попытка подняться на чердак по скрипучей лестнице закончилась тем, что несколько ступеней внезапно стали невероятно скользкими. Райэн едва удержался, схватившись за перила, одно из которых тут же с треском оторвалось. Сверху донесся негромкий, похожий на хихиканье звук.

«И это ветер?» – подумал барон, балансируя на ступеньках.

– Очень остроумный… ветер, милорд! – донесся снизу голос Лизы, которая наблюдала за этим с широко раскрытыми глазами.

– Он у нас иногда… шутит.

Но самый загадочный случай произошел в его собственном кабинете. Каждое утро Райэн обнаруживал, что книги на полке книжного шкафа переставлены. Не все, а только те, чьи названия начинались на букву «П». Их аккуратно вынимали и ставили в алфавитном порядке в начале полки. «Печальные письма», «Принципы политики», «Путешествие в Персию» – в нужном порядке. Остальные книги оставались нетронутыми.

– Это кто-то из слуг? – спросил он у Горация за завтраком.

Старый дворецкий, наливая ему кофе в изящную фарфоровую чашечку, покачал головой.

– О нет, милорд. Лиза читает лишь молитвенник, а Бруно предпочитает графины книгам. Это… библиотечный дух. Он очень педантичен. Особенно насчет буквы «П». Не спрашивайте меня почему. В прошлом месяце он устроил целую трагедию из-за того, что «Поэмы» стояли после «Приключений». Была настоящая буря: холодные сквозняки с летающей чернильницей, распахивающиеся и не вовремя закрывающиеся двери.

Райэн скептически хмыкнул. «Библиотечный дух». Конечно. Гораздо вероятнее, что это чья-то глупая шутка или проявление странностей у обитателей замка, слишком долго живущих в изоляции. Он решил поймать «шутника» с поличным и отправился в библиотеку.

Библиотека замка была, пожалуй, единственным местом, не тронутым запустением. Двухэтажный зал с галереями, заставленными дубовыми книжными шкафами с резными узорами до самого потолка. Воздух здесь пах не сыростью, а старым пергаментом и кожей переплетов, книжной пылью и слегка воском. Райэн замер на пороге, впечатленный. Здесь находилось сокровище, настоящее, в отличие от всего остального.

Он осторожно вошел, и его взгляд упал на фигуру у одного из дальних шкафов. Сначала он подумал, что это игра света – странный отсвет от витражного окна. Но нет. У шкафа, спиной к нему, стоял человек. Высокий, худощавый, одетый в старомодный камзол и чулки, с аккуратным париком по старинной моде. Фигура была полупрозрачной. Сквозь нее Райэн видел полки с книгами.

Призрак – а как еще его можно было назвать? – держал в руках толстый фолиант. Он не читал его. Он лишь поднес книгу к лицу и с явным наслаждением… понюхал ее, закрыв глаза. Потом вздохнул с таким выражением блаженства, какое обычно бывает у гурманов, вдыхающих аромат дорогого вина.

Райэн стоял, онемев. Все его рациональные объяснения разбились о реальность полупрозрачного книголюба, нюхающего книгу. Он кашлянул.

Призрак вздрогнул, медленно обернулся. Его лицо было бледным, почти бесцветным, с тонкими чертами и выражением вечной, утомленной скуки. Увидев Райэна, он не испугался. Напротив, его черты оживились легким любопытством.

– А, – сказал призрак.

Голос у него был глуховатым, словно доносившимся из-за толстой стены, но вполне разборчивым.

– Новый читатель. Или новый хозяин? Давно здесь не появлялись особы, интересующиеся чем-то кроме пыли, сквозняков и скрипа половиц.

– Я… Райэн Эллингтон, – выдавил из себя Райэн, чувствуя себя идиотом, представляющимся привидению.

Вместе с этим страх, любопытство и… возмущение тем, что он понятия не имеет о происходящем, боролись внутри него за первенство среди эмоций.

– Знаю, знаю, – махнул прозрачной рукой призрак.

– Наслышан. Наконец-то наследник пожаловал. Я – Альфред. Но можете звать меня дядюшка Алфи. Все так звали. Кроме моей дорогой невестки Агаты, она предпочитала «бездумный вертопрах».

Он снова поднес книгу к носу и глубоко вдохнул.

– «Трактат о ночных растениях». Восхитительный аромат. Сладковатая нотка плесени, терпкость старых чернил… Напоминает мне 1719-й год. Тогда тоже была сырая погода.

Райэн, все еще не веря своим глазам, сделал шаг вперед.

– Вы… призрак.

– Проницательно, – сухо заметил Алфи.

– А я-то думал, что просто плохо выспался. Да, милый мой потомок, призрак. Уже… о, дайте сосчитать… уже двести с лишним лет. Умер от несварения после ужина с трюфелями и устрицами. Ирония в том, что теперь я не могу ни есть, ни страдать от несварения. Лишь нюхать книги и вспоминать вкус. Довольно скучная участь, надо сказать.

Так началось их знакомство. Дядюшка Алфи, как выяснилось, был болтлив, циничен и смертельно, или, точнее, посмертно скучал. Он с удовольствием составил компанию Райэну, паря рядом, пока тот осматривал библиотеку.

– Вы здесь… один? – осторожно спросил Райэн.

– Один? Боже сохрани! Здесь полно народу. Точнее, было полно. Сейчас потише. Но моя драгоценная невестка Агата фон Фэйт все еще тут. Она на третьем этаже. Вечно ворчит. Ругается на чужом языке, так что даже я не все понимаю. Но суть ясна: все вокруг – идиоты, все сделано не так, и почему это в ее будуаре нет свежих роз, хотя она мертва уже больше века. Ах да, еще у нас есть «портьерный инцидент 1783 года».

Алфи сделал паузу для драматического эффекта.

– Тогда одна портьера в синей гостиной внезапно начала трепыхаться так яростно, что сбила со стола вазу с цветами. Агата утверждала, что это я, чтобы насолить ей. Я же подозреваю, что это была наша мимолетная гостья – прозрачная леди в сером. Она иногда заходит. Никто не знает, кто она. Просто ходит и вздыхает. Очень меланхолично.

Райэн слушал, и его скептицизм медленно, но верно таял, как снег под весенним солнцем. Он и не предполагал, насколько странный его родовой замок. Призрак был слишком реален, слишком… детален в своей абсурдности.

– А почему все это происходит? Почему вы все… остались?

Алфи на мгновение задумался, его прозрачное лицо стало серьезным.

– Хороший вопрос. Думаю, потому, что нам просто некуда идти. А еще… потому что замок не отпускает. В нем есть что-то… липкое и цепкое для душ. Особенно для душ нашего рода. Но в последнее время…

Он помолчал.

– В последнее время «липкость» стала какой-то нервной. Слышите?

Райэн прислушался. Из глубины дома донесся слабый, низкий гул, больше похожий на вибрацию, чем на звук. Пол под ногами слегка дрогнул.

– Это что?

– Не знаю. Началось примерно год назад. Сперва редко. Теперь чаще. Агата говорит, что это «скрежет зубовный самого замка». Может, он тоже устал от нас всех.

Алфи снова усмехнулся своей мрачной усмешкой.

– Представляете, как было бы забавно умереть от скуки во второй раз? Жаль, я уже не могу.

– - * – -

В тот же день, вернувшись в кабинет, Райэн нашел на столе письмо. Конверт с знакомой печатью графа Эванса. Опекун выражал «глубокую озабоченность» состоянием здоровья Райэна, вынужденного жить в «столь непригодном и, по слухам, нездоровом месте». Он вновь, «движимый лишь отеческой заботой», предлагал «взять на себя бремя содержания этой ветхой постройки», выкупив замок и земли за сумму, которая, как понимал Райэн, была смехотворно мала даже для такого имения.

«Он очень настойчив. Слишком настойчив для простой заботы», – подумал Райэн, раздраженно складывая письмо.

Он написал вежливый, но твердый отказ, сославшись на чувство долга перед предками и намерение восстановить родовое гнездо. Отправляя письмо с посыльным – конюхом, он почувствовал необъяснимую тревогу. Не из-за призраков. Из-за живого человека.

А следующая же ночь в замке оказалась гораздо оживленнее дня.

Райэн заснул под завывание ветра в трубах, но был разбужен не им. Сначала он услышал слабый, чистый звон колокольчика. Нежный, почти серебряный звук, явно доносившийся из глубины замка. За ним последовали голоса. Нет, не голоса – перебранка. Два взвинченных, гневных голоса, спорящих на повышенных тонах. Он не мог разобрать слов, но интонации были ясны: ссора, старая, заезженная, полная взаимных упреков.

Он встал, накинул халат и, взяв подсвечник, вышел в коридор. Звуки доносились сверху, с третьего этажа. Райэн медленно поднялся по лестнице. С каждым шагом голоса становились отчетливее, но стоило ему выйти на площадку третьего этажа, как они мгновенно стихли. Полная тишина, нарушаемая лишь биением его собственного сердца.

Он зажег еще одну свечу и осмотрелся. Коридор был пуст. Двери в гостевые комнаты закрыты. Но одна, та, что в самом конце, была приоткрыта. Райэн подошел и толкнул ее.

Комната была пуста. Мебель покрыта белыми чехлами, как саванами. На полу толстый слой пыли. Но посередине комнаты, на полу, кто-то собрал пыль в аккуратную, идеально ровную квадратную кучку. Рядом с ней лежал небольшой, пожелтевший клочок бумаги.

Райэн поднял его. На бумаге, выведенным старомодным изящным почерком, было написано всего одно слово: «Ищи».

Он обернулся. В дверном проеме никого не было. Но портьера на окне, тяжелая, пыльная, медленно колыхнулась. Не рывком от сквозняка, а плавно, будто ее кто-то осторожно отодвинул, чтобы выглянуть во тьму.

Сердце Райэна заколотилось чаще, но теперь уже не от страха, а от азарта. Это было настоящее потустороннее послание. Вызов. Он сам удивился, что не испытывает леденящего ужаса от осознания этой идеи.

На следующее утро он приступил к поискам системно. Он начал с библиотеки – самого логичного места для тайн. Дядюшка Алфи, зависший у потолка в позе лежащего на невидимом диване, с интересом наблюдал.

– Ищете что-то конкретное, милый племянник? Ключ от семейного счастья? Рецепт эликсира вечной жизни? У нас, кажется, был один, но его съела мышь в 1820-м.

– Я ищу то, что мне велели искать, – ответил Райэн, методично простукивая стены за книжными шкафами.

– А, «Ищи». Да, классика. Очень таинственно. Обычно так начинаются или очень скучные, или очень опасные истории. Надеюсь, второе. У меня так давно не было никаких интересных развлечений.

Райэн почти обошел всю библиотеку по кругу, когда он приметил на задней стенке одного из массивных дубовых шкафов не стык досок, а тонкую, едва заметную щель. Он тщательно ощупал странное место пальцами. Потом надавил. Раздался тихий скрип, и часть стены вместе со шкафом отъехала, повернувшись на скрытых петлях, приоткрыв узкий проем в темноту.

Потайная дверь. За ней угадывался узкий коридор, уходящий вглубь стены.

Райэн попытался толкнуть дверь дальше, но она не поддавалась. Замок. Старинный, массивный железный замок висел на железных скобах, прикрученных одна к двери, другая – к стене.

– Ключ! Нужен ключ! – воскликнул Райэн.

– Ключ, – эхом отозвался Алфи, спускаясь пониже.

– Да, был у меня на памяти ключ. Массивная железная штука, похожая на скособоченный крест. Висел на кольце со всеми ключами у старой экономки, миссис Гловер. Суровая была дама. Говорила, что это ключ от «комнаты вздохов». Мы, конечно, смеялись. Пока она не исчезла вместе с ключом лет тридцать назад. Просто взяла и упорхнула. Вместе с ключом, с серебряным подносом, который ей очень нравился, и кое-чем по мелочи.

Он вздохнул.

– Так что ищите ключ. Или ищите миссис Гловер. Хотя, если она тоже уже призрак… договориться с ней может быть сложнее, чем при жизни.

Райэн стоял перед приоткрытой дверью, чувствуя, как его первоначальный скепсис окончательно развеялся, уступив место решимости. Замок, призраки, странный гул, идущий из глубин скалы, настойчивый опекун, таинственное послание, потайная дверь… Это была не просто ветхая постройка. Это была головоломка. И он намеревался ее разгадать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.